

УДК 82-14 (477) (0433)

**УРБАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕЙЗАЖИСТИКА:
МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
(на материале лирики Б. Чичибабина)**

И. В. Остапенко

В статье впервые анализируются особенности урбанистического пейзажа Б. Чичибабина. Урбанистика рассматривается в мультикультурном аспекте.

Ключевые слова: Б. Чичибабин, урбанистический пейзаж, мультикультурные связи, Полтава, город, поэт.

В поэзии выдающегося русского поэта Украины Бориса Алексеевича Чичибабина (1923 – 1994) представлена довольно обширная география. Она дает богатый материал для исследования особенностей урбанистического пейзажа. Городской пейзаж интересен тем, что он, отражая картину мира поэта, демонстрирует и культурологические приоритеты автора. Поэт, создавая лирический образ города, вольно или невольно касается мультикультурных связей, представленных в реальном урбанистическом пространстве. Что же можно узнать о поэте, узнавая о городе, и что можно узнать о городе, узнавая о поэте? На эти вопросы мы попытаемся найти ответ, проанализировав стихотворение Б. Чичибабина “Путешествие к Гоголю”. В исследовании применяются методики, соединяющие в себе различные лингвокультуральные подходы, которые могут быть полезны при анализе поэтического текста, где встречается урбанистический пейзаж.

Выбранное для анализа стихотворение посвящено Полтаве, но, как видим, в названии она представлена имплицитно. И это неслучайно. Чичибабин ехал в Полтаву, а приехал к Гоголю, который стал лирическим персонажем этого произведения — “здесь сердце Гоголем полно”. Но именно Полтава оказалась тем местом, где автор смог по-новому посмотреть на Гоголя, и которое помогло ему сделать выбор в его собственной писательской судьбе.

Посмотрим на Полтаву глазами поэта и проследим, какие историко-культурные реалии актуализирует поэт, создавая лирический образ, какие ракурсы изображения города присутствуют в тексте, и в каких временных пластах он представлен. Сопоставив эти наблюдения с фактическими данными, мы узнаем, какая Полтава интересна Чичибабину и почему.

В характеристиках города поэт использует преимущественно перифразы — “улыбчиво-лукава”, “край небылиц”, “вольнопесенных раздолий”, понять которые трудно, не обращаясь к затекстовым данным. Полтава имеет очень древнюю и богатую историю, ей более 1100 лет. Археологические свидетельства о поселении на реке Лтава относят ее основание к рубежу 8 – 9 ст., в 1173 г. о ней упоминается в Ипатьевском списке “Повести временных лет”, а исторический документ

1641 года засвидетельствовал существование Полтавы как города, который имел Магдебургское право. С момента своего основания и, практически, до середины XVII века Полтава находилась на порубежье: между Русью и Диким Полем кочевников, позже — между Великим Княжеством Литовским и Золотой Ордой, между Речью Посполитой и Московским царством. Поэт как человек, обладающий фольклорным мышлением, по самому месторасположению города смог уловить, что это город небылиц, потому что он стоит на отмеченном месте. Необходимость выживать на пересечении различных культур и традиций породила специфические черты характера полтавчан — приветливость и осторожность, что также нашло отражение в тексте стихотворения.

Приграничные условия жизни, постоянные взаимодействия и межэтнические столкновения обусловили формирование в этом месте особой группы местного населения — казачества. Именно оно определяло историю города на протяжении XVI – XVIII вв. Полтава получила статус административно-военного центра в составе Гетманской Украины и сыграла важную роль в процессе воссоединения Украины с Россией в 17 в., а Полтавское сражение 1709 г. стало поворотным событием в ходе Северной войны. Дух казачьей вольности воссоздан в песнях Маруси Чурай, дочери казака Гордия Чурая. Возможно, в “вольнопесенных раздольях” и нет аллюзии именно на творчество Маруси Чурай, но поэт явно почувствовал героическое прошлое, дух свободы, “вольности”, присущий этому краю.

С 1802 года статус Полтавы изменился — она стала центром губернии, а с 1808 года к 100-летию Полтавской битвы началась реконструкция города. На месте встречи Петра I с полковником А. Келиным, командующим гарнизоном во время Полтавской битвы, была сооружена колонна, на которой помещается золотой орел с венком победителям. Полтаву стали застраивать как “Малый Петербург”. В центре города — всемирно известный архитектурный ансамбль “Круглая площадь”, выполненный в стиле ампир, сочетающем строгость классицизма с изысканностью и пышностью барокко. От площади в виде лучей отходят симметрично расположенные восемь улиц, одна из которых ведет на так называемую Иванову гору. Именно с этого места начиналась древняя Полтава, а в 1902 году, к 200-летию Полтавской битвы, там была построена Белая беседка, дополнившая ранее созданную архитектурную композицию. Все это дало возможность поэту назвать Полтаву городом “украинского ампира”. О том, как оценивает этот ампир поэт, пойдет речь далее. Как видим, эмблематичные детали, подобранные поэтом для создания лирического образа города, содержат информацию о прошлом Полтавы, о наиболее значимых событиях в ее истории. Почему именно на них сосредотачивает свое внимание поэт?

Попробуем ответить на этот вопрос, рассмотрев Полтаву в различных проекциях, представленных в тексте: наземной, надземной и метафизической. Чичибабин, по воспоминаниям вдовы поэта, посетил Полтаву в 1972 году. Это была поездка с друзьями, длившаяся один день. (Полтава расположена от Харькова, где жил Чичибабин, в трех часах езды.) Специального экскурсовода не было, и они, как почти все гости города, начинают знакомство с ним с Круглой площади. Следующее знамена-

тельное место города — Белая беседка. Попасть туда можно только пешком, пройдя, практически, через весь центр города, мимо драматического театра, носящего имя Н. В. Гоголя, Краеведческого музея, усадьбы И. Котляревского, находящейся рядом с Белой беседкой. Улица в то время хранила еще дух старины, была вымощена камнем, в отличие от других, заасфальтированных, машины по ней не ездили. А в небольших магазинчиках продавали изделия местных мастеров — полтавские вышивки и опишнянскую керамику. Поэт, знакомясь с городом, фиксирует свои впечатления и ощущения, находясь с ним в одной оптической плоскости — наземной. Взгляд художника выхватывает точные детали в образе города: “утешительно-тиха”, “вся для медленных прогулок, а не для бешеной езды”, в “пенье радужных керамик”. И завершает этот ряд перифраз — “рай лошадок и цветов”. Но речь не о тех лошадках, которые могли еще в начале 70-х встречаться на улицах Полтавы, а о фигурках из глины, выполненных мастерами одного из древнейших на Украине промыслов — опишнянскими гончарами. Часто такие фигурки украшались цветами в виде росписи или аппликации. В древности они использовались в ритуальных обрядах, сейчас это — декоративные украшения, которые, впрочем, способны пробудить прапамять человека, хранящую их сакральный смысл. В художественном образе “лошадок”, с уменьшительным суффиксом, сошлись и осведомленность о древнем ремесле, а история его уходит корнями в 5 в. до н. э., и оценочность. Эмоциональная реакция разбудила чувства поэта, и у него родился образ эмпирического “рая”, в который он входил улицами еще недавно незнакомого города: “для слуха рай, и рай для глаза”.

С этим чувством поэт подходит к Белой беседке. Здесь Полтава предстанет для него в новой проекции — надземной. С этой самой высокой точки Полтавы открывается вид на старый город: внизу течет речка Ворскла, небольшие домики утопают в зелени садов и лугов, а на левом берегу, на противоположной горе расположен православный Крестовоздвиженский монастырь с зелеными куполами и золотыми крестами, сверкающими на солнце. Новый художественный образ, родившийся у поэта, увидевшего город с высоты птичьего полета, коррелирует с уже упоминаемым “краем *небылиц*”: “по склонам <...> желтым, розовым, зеленым шуршит *волшебное* панно”. Город, отмеченный тайной и чудом, притягивает внимание автора.

Эта же надземная оптика срабатывает и когда открывается еще одна примечательность города: “в лугов зеленые меха *лицом склоненная* Полтава”. Здесь взгляд поэта отмечает не только место расположения — на склонах гор, спускающихся к реке. Поклон может быть адресован некой святыне, и эта аллюзия не случайна. Во-первых, она коррелирует с ранее встречавшимся образом земного “рая”. А во-вторых, с образом, созданным на уже основе метафизической оптики: “под небо вьющийся *молебен*”. Молебен ассоциируется с монастырем, перед которым “склоняется” город. Монастырь этот был построен в 1650 году в период русско-польской войны, в результате которой Украина вошла в состав Московского царства. Назван он был в честь Праздника Воздвижения Креста Господня, первого государственного праздника Византии, связанного с переходом государства в новую

систему ценностей христианства. Воссоединение Украины с Россией — это тоже событие, которое начинает новую эру в жизни двух государств, а Полтава имеет к нему непосредственное отношение. Бикультуральное мышление Чичибабина не могло не отреагировать на эту особенность Полтавы как города с различными культурными пластами.

Обращает на себя внимание еще один прием, использованный автором стихотворения. В одной строфе соединены, казалось бы, совершенно несовместимые понятия: *“Край небылиц, чей так целебен // спасенный чудом от обнов // реки, деревьев и домов // под небо вьющийся молебен”*. “Край небылиц” репрезентирует языческую традицию, “молебен” — христианскую. Но если происхождение “небылиц” мы уже установили, то “молебен” — объяснить не так просто. В советскую эпоху знание религиозных канонов для невоцерковленного человека было редкостью. И все же поэт выбирает именно это слово, которое свидетельствует о некоторой осведомленности его в церковной лексике. Возможно, и тут сработала память души. Чичибабин по материнской линии происходит из рода священнослужителей. Мать, конечно, была уже советским человеком, и сын получил атеистическое воспитание. Но бабушка, которая жила, кстати, в Полтавской области, в Кременчуге, могла приобщить внука к духовным традициям семьи. Атмосфера Полтавы, которую он воспринял как “рай”, возможно, и пробудила в нем эти знания. Но в пределах стихотворения речь идет не о молебне в каноническом смысле. Он исходит от “реки, деревьев и домов”. Такое видение свидетельствует о пантеистическом мировосприятии автора. Он пытается соединить фольклорно-языческую традицию, пропитанную массой суеверий, поверий, легенд, обрядов, и не менее ревностно поддерживаемую им христианскую веру. Таким образом, исследование различных пространственных уровней изображения Полтавы показало, что эмпирические пейзажи нужны поэту как опора для создания пейзажа метафизического. Полтава представлена как город древнего язычества, но одновременно ориентированный на христианские духовные ценности: “здесь Божья слава сердцу зрима”. И близка она поэту в первую очередь потому, что в ней мирно уживаются различные духовные и культурные традиции.

Чтобы понять, какое значение это имело для самого поэта, рассмотрим Полтаву с точки зрения времени. В стихотворении отчетливо выделяются три эпохи: современность Чичибабина, время Гоголя, и древность. Древность представлена “небылицами” и “вольнопесенными раздольями”. Время Гоголя — это не только биографическое время писателя, но это и мир, породивший его произведения, “откуда наш провинциал, напрягшись, вовремя попал на праздник русского рассказа”, и мир, который будет сопровождать его в столицах Российской империи. Это, примерно, столетие — вторая половина 18 века и первая треть века 19, то есть период укрепления имперской политики России, символом которой в стихотворении является “украинский амфир”. Наиболее широко репрезентировано лирическое настоящее, которое соответствует времени пребывания поэта в Полтаве. И тогда ему город видится как “рай лошадок и цветов”, “в нем одеяния чисты”, “ясен свет” и “звон негулок”, в нем льется “молебен”, с которым сливается и лирический герой: “я с ветром вею, с Ворсклой льюсь”. Но в этом же времени “об утраченном покое поет украинский

ампир”. Как видим, все ключевые элементы этого лирического настоящего, оставаясь в нем, уходят очень далеко, чисто урбанистические детали имеют глубокую генеалогию. Глаз поэта отметил, а его чувство отреагировало на те реалии, у которых есть историко-культурная ретроспектива.

Выстраивается вполне гармоничный художественный мир поэта, где многие образы коррелируют между собой. Но из этой благолепной картины выпадает “украинский ампир”, который “поет” об “утраченном покое”. Этой фразой завершается первая часть диптиха, то есть именно она несет наибольшую смысловую нагрузку, а в ней каждое слово таит загадку.

Итак, интересующий нас звуковой образ принадлежит к лирическому настоящему, хотя бы по глагольной форме. С другой стороны, архитектурный стиль ампир пришел в Полтаву в начале 19 века, то есть его можно соотнести и со временем Гоголя. Обратимся к другим звуковым образам стихотворения: “вольнопесенные раздолья”, “под небо льющийся молебен”, “звон не гулок” и “поет украинский ампир”. Все они пребывают в лирическом настоящем времени. Но это три разные эпохи. Это эпоха фольклора, он древний и одновременно вечный. Это эпоха христианской традиции. И это эпоха государственного имперского стиля. И все они звучат. Есть голос у фольклора, и важно то, что он широкий, песенный. Есть голос у христианской традиции, и что тут важно для Чичибабина, он “негулок”, он “льется”. Именно там и есть покой, но покой этот не эмпирический, а духовный, он дает человеку внутреннюю свободу, принося гармонию. И, наконец, ампир, он тоже “поет”. По-своему красивый, величественный, торжественный, он мог вызвать у автора ассоциации с песней. Но в этом пении надрыв, раскол. Став частью империи, Полтава, конечно, много приобрела, но она утратила, с точки зрения поэта, главное — душевный покой. С одной стороны, повысились притязания: Полтава — Маленький Петербург. А с другой — это провинция, заурядный провинциальный город, но находящийся под постоянным контролем метрополии. Отсюда дисгармоничность того мира, который покидает Гоголь. Что касается “украинского” в сочетании с ампиром, то Чичибабину нетрудно было уловить: имперский стиль приложен к чужеродному материалу, он не вписывается в украинский контекст. Органичной для Украины, по представлениям поэта, была духовная традиция Г. С. Сковороды, которая и воплощала внутреннюю сосредоточенность и духовный покой.

Своим историко-культурным чутьем Чичибабин отметил, что раскол мира Гоголя начался еще в Полтаве, когда она стала провинцией империи. Останься Гоголь в Полтаве, по мнению поэта, он превратился бы в провинциального писателя. Поэтому Гоголь выбирает иной путь, и за него заплатит свою цену. Во второй части диптиха Гоголь будет представлен в московском пространстве. Но это тема отдельного исследования. Чичибабин же увидел Полтаву не провинцией. Он почувствовал в ней дух регионального города с богатыми духовными и культурными традициями. Свои ощущения поэт экстраполирует и на Харьков. Это и помогло сделать ему свой собственный выбор. Он остался в региональном Харькове и за это тоже заплатил свою цену.

Список литературы

1. Манн Ю. В. Николай Гоголь. Жизнь и творчество. — М.: Русский язык, 1988. — 288 с.
2. Новикова М. О. Мифы та місія. — К.: Дух і літера, 2005. — 432 с.
3. Новикова М. А. Регионалистика и глобалистика: проблемы и перспективы // Язык и культура. — Вып. 12. — К.: Вид-во Київськ. ун-ту, 2004. — С. 116 – 121.
4. Остапенко И. В. Путешествие Чичибабина к Гоголю // VII Міжнародні Гоголівські читання: Зб. наук. праць Полтавського державного педагогічного університету ім. В. Г. Короленка. — Полтава: ПДПУ, 2004. — С. 102 – 105.
5. Полтава. Историчний нарис. — Полтава: Полтавський літератор, 1999. — 280 с.
6. Чичибабин Б. А. В стихах и прозе. — Харьков: Фолио; Каравелла, 1998. — 463 с.

Остапенко И. В. Урбаністична пейзажистка: мультикультурний аспект (на матеріалі лірики Б. Чичибабіна).

В статті вперше аналізуються особливості урбаністичного пейзажу Б. Чичибабіна. Урбаністика розглядається в мультикультурному аспекті.

Ключові слова: Б. Чичибабін, урбаністичний пейзаж, мультикультурні зв'язки, Полтава, місто, поет.

Ostapenko Y. V. Urban landscapes: multicultural aspect (on the material of lyric of B. Chichibabin).

For the first time the peculiarities of B. Chichibabin's urbanity landscape are analyzed in the paper. Urbanity is considered in multicultural aspect.

Key words: B. Chichibabin, urbanity landscape, multicultural connection, Poltava, town, poet.

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2006 г.